

УДК 811.161.1

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЕН
НУЛЕВОЙ СУФФИКСАЦИИ И ОБРАЗОВАНИЙ НА *-(E)НИЕ*
В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)**

© Ирина Ерофеева, Елена Шептухина

**DERIVATIONAL SYNONYMY OF THE NAMES WITH THE ZERO
SUFFIXES AND DERIVATIVE FORMATIONS WITH THE SUFFIX
-(E)НИЕ IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE
(BASED ON THE "THE TALE OF BYGONE YEARS")**

Irina Erofeeva, Elena Sheptukhina

Based on one of the most significant written monuments called “The Tale of Bygone Years”, the article considers the features of derivational synonymy in the Old Russian language. It also identifies parallel formations derived from verbal stems with the zero suffix and the suffix *-(e)nie* recorded in the chronicles and defines structural, semantic and functional features of the synonymic forms. We focus on the stylistic aspect of the use of parallel formations and analyze syntagmatic relations, characterized by the features of the contextual use of each pair of forms, and the specificity of their compatibility. The study identifies pairs of derivational synonyms, which differ in semantic terms, in stylistic terms, in semantic and stylistic terms, as well as full doublets. We have found the dependence of the use of different derivational types on the genre features of contexts, indicating to a close association of words with the formulas of speech. Special attention is paid to the reflection of the system of medieval people’s axiological representations in derived names. We conclude that the majority of derivational synonyms represent concepts that are conceptually significant for medieval consciousness. The presence of synonymic derivation means in the Old Russian language allows using the most appropriate nominations for the relevant facts of extralinguistic reality.

Keywords: derivational synonymy, semantics, stylistics, contextual usage, the Tale of Bygone Years.

В статье рассматриваются особенности словообразовательной синонимии в древнерусском языке на материале одного из наиболее ярких памятников письменности – «Повести временных лет». Выявляются зафиксированные в летописи параллельные образования от глагольных основ нулевым суффиксом и суффиксом *-(e)ние*. Определяются структурные, семантические и функциональные черты синонимических форм. Особое внимание уделяется стилистическому аспекту употребления параллельных образований. Анализируется специфика контекстуального использования каждой пары форм, характеризуются синтагматические связи, специфика сочетаемости. В результате исследования выявляются пары словообразовательных синонимов, отличающиеся в семантическом отношении, в стилистическом плане, в семантическом и стилистическом отношении, а также полные дублеты. Обнаруживается зависимость в употреблении представителей разных словообразовательных типов от жанровых особенностей контекстов, свидетельствующая о тесной связи слова с формулой речи. Особое внимание уделяется отражению в производных именах системы ценностных представлений человека средневековья. Делается вывод о том, что большинство словообразовательных синонимов репрезентируют концептуально значимые для средневекового сознания понятия. Наличие синонимических деривационных средств в системе древнерусского языка позволяет использовать наиболее адекватные средства номинации для соответствующих фактов внеязыковой действительности.

Ключевые слова: словообразовательная синонимия, семантика, стилистика, контекстуальное употребление, «Повесть временных лет».

На проблему словообразовательной синонимии обращали внимание многие представители Казанской лингвистической школы начиная с И. А. Бодуэна де Куртенэ. Изучались пути разви-

тия и становления отдельных словообразовательных типов в разные исторические периоды, выявлялись факторы, способствующие активизации словообразовательной синонимии, определялись основные этапы развития данного явления, рассматривались особенности взаимодействия разных словообразовательных типов в определенные периоды истории языка. В монографии Г. А. Николаева «Русское историческое словообразование» отдельный раздел посвящен словообразовательной синонимии [Николаев, с. 84–97]. В своей работе ученый отмечает, что наиболее распространенной синонимической параллелью в истории языка являлась синонимия приглагольных имен нулевой суффиксации и образований на *-(e)ние* [Там же, с.86]. Данные типы не были искони синонимичными, так как имена на *-(e)ние* первоначально восходили к именным основам. Как в древнерусском языке, так и в современном русском языке эта синонимия представлена наибольшим количеством параллельных образований в сфере отглагольного словопроизводства.

Как отмечают исследователи, «словообразовательные синонимы регулярны прежде всего у однокоренных образований с транспозиционным словообразовательным значением» [Азарх, с. 46]. Особенностью образований с транспозиционным значением является тесная связь с семантикой производящего слова, однако в именах разных суффиксальных типов может по-разному отражаться значение мотивирующего слова, что приводит к семантическим расхождениям между синонимами.

Образования на *-(e)ние* исторически относились к стилистически маркированным производным формам, в то время как формы на *-Ø* – к стилистически нейтральным. Соответственно, дистрибуция образований, характеризующихся общностью производящей основы и сходством словообразовательного значения, в произведениях разной жанровой направленности оказывается связанной не только с семантическими, но и со стилистическими факторами. Материалы древнерусских летописей, и в первую очередь наиболее яркого и разнопланового памятника, включающего произведения разной жанровой направленности, – «Повести временных лет» [Повесть временных лет] – дают богатый материал для исследования подобных форм. В летописи четко выделяются два пласта повествования: к первому относятся произведения религиозного содержания и авторские комментарии, содержащие интерпретацию событий в свете христианской идеологии, ко второму – народные предания, исторические хроники и договоры. Идеиное и те-

матическое отличие произведений данных групп обуславливает различия и их языковой организации.

В связи со сложным характером древнерусского литературного языка, возникшего в результате взаимодействия двух языковых стихий – книжно-славянской и народно-литературной, находятся и языковые черты отдельных памятников письменности, в том числе входящих в состав летописи. Среди языковых особенностей организации различных в жанровом отношении памятников особое место занимает словообразование. В современных исследованиях отмечается необходимость изучения парадигматических отношений в сфере производной лексики с учетом семантических и стилистических особенностей производных единиц [Гилязетдинова], [Ерофеева], [Иванова], [Шептухина, Мешкова].

Представители разных словообразовательных типов имеют различную распространенность в произведениях различных жанров, они отличаются не только в количественном, но и в качественном отношении. В «Повести временных лет» обнаруживается 36 параллельных образований с суффиксами *Ø/-(e)ние*, связанных с общей производящей основой. Они могли выступать как полные дублиеты, но чаще различались в семантическом или в стилистическом отношении.

При анализе синонимических параллелей, зафиксированных в древнейшем памятнике письменности, необходимо иметь в виду, что в словообразовании отражается специфика в освоении мира, связанная в том числе с духовными потребностями общества на определенном этапе его развития. «Изучение словообразования в его погруженности в жизнь показало, что оно является не пассивной объективацией внешнего мира, а сознательным и целенаправленным актом словотворчества, в котором познавательное и ценностное сливаются в единое целое» [Вендина, с.8]. Аксиологическая направленность деривационных процессов обнаруживается в смысловой и стилистической специфике ряда дериватов, объединенных общностью производящей базы.

Так как в древнерусском языке слово было тесно связано с контекстом, часто входило в состав устойчивых формул, различия членов словообразовательной пары могут обнаруживаться в особенностях контекстуального употребления. Синонимичные образования *мечта* – *мечтанье*, мотивированные глаголом интеллектуальной деятельности *мечтати*, имели сходное семантическое содержание, о чем свидетельствуют словарные дефиниции. Они могли реализовываться как значение состояния, так и вторичное значение свойства, способности человека испытывать это

состояние. Образование на *-(e)ние мечтанье* чаще актуализирует первичное значение состояния «воображение, представление» в стилистически возвышенных контекстах, например в «Рассказе о волхвах» 1071 г.: *Ово ли и иного примѣняше во иного образ. в мечтаньи сице творяше* (1071 г.) [Повесть временных лет, с. 180]. В соответствии с особенностями средневекового мировосприятия и религиозной концепцией мироздания данное состояние часто приписывается антагонистической Богу силе – бесам. Поэтому дериват *мечтанье* в летописи неоднократно отмечается в сочетаниях с лексемами с корневым *бѣс-*: *Аще ли бывають от бѣсѣ мечтанья. знаменавше лице крестомъ прогоняеми бывають* (1068 г.) [Там же, с.173]; *Но и Конобѣ творяше мечтанье бѣсовско* (1071 г.) [Там же, с.180].

Образование нулевой суффиксации *мечта* выражает более конкретную семантику, употребляясь в конструкции *въ + местный падеж имени* в синтаксической функции обстоятельства времени и места действия. За счет совмещения локальных и темпоральных компонентов значения происходит усиление конкретизированной семантики: *Являющася во снѣ. инѣмъ в мечтѣ. и тако волхвуют наученьемъ бѣсовскимъ* (1071 г.) [Там же, с.180]; *Овогда же пакы в ноци прихажу к нему.страхъ ему творяче в мечтѣ* (1074 г.) [Там же, с.197].

Синонимические образования *прельсть* – *прельщение* мотивируются глаголом эмоционального состояния *прельстити* в значении «обмануть, обольстить». Данные имена могут быть синонимами при обозначении психического состояния человека «заблуждение, обольщение». Подобная семантика отмечается у синонимов в контекстах книжного характера в конструкциях *въ + винительный* или *местный падеж имени*. В соответствии с христианской идеологией источником любого негативного состояния человека, как правило, является дьявол. Подобное понимание заблуждения отражается в следующих контекстах: *Посемь же дьяволъ в болшее прельщение верже человеки* (986 г.) [Там же, с.91]; *Аще бо онъ не крестиль бы насъ. то нынѣ были бяхомъ в прельсти дьяволи* (1015 г.) [Там же, с.131]. Однако образование *прельсть* может обозначать и состояние, вызванное воздействием реального субъекта. В контексте исторического содержания при описании жизни Владимира-язычника образование *прельсть* выступает в сочетании с прилагательным *женьская* и характеризуется более конкретизированным значением «соблазн»: *Зло бо есть женьская прельсть* (980 г.) [Там же, с.80].

В данной паре более разветвленная система значений в древнерусском языке представлена у образования нулевой суффиксации, которое может выступать как с рядом абстрактных значений: «заблуждение», «вред», «обман», так и с рядом результативных значений: «соблазн», «козни», «ложь». В смысловой структуре образования *прельсть* представлены также социально окрашенное значение «преступление» и значение субъекта «тот, кто может прельстить». Синонимичное образование *прельщение* выступает в основном с рядом отвлеченных значений – «обман», «заблуждение».

Параллельные образования разных суффиксальных типов могут соотноситься с разными планами повествования. Образование нулевой суффиксации *установъ* представлено в отрывках, связанных с репрезентацией религиозных и светских событий, в то время как образование с суффиксом *-(e)ние* – *установьенъ* связано только с религиозным планом повествования. Общее значение образования *установъ* «совокупность законов или правил» получает конкретизацию за счет уточняющих определений. В сочетании с атрибутами церковной семантики оно имеет отнесенность к событиям религиозного значения, например в погодной статье о крещении Ольги: *И заповѣда еи о церковнемъ установѣ. о молитвѣ и о постѣ* (955 г.) [Там же, с.61]. В сочетании с определениями *земельни, Рускии, старыхъ князь* и под. оно актуализирует мирское содержание: *Володимерь любя дружину.и с ними думая о строи земленѣм. и о ратехъ и установѣ земленѣм* (996 г.) [Там же, с.126]; *И то показень будет по закону Гречьскому. и по уставу и по закону Рускому* (945 г.) [Там же, с.50] и др.

Образование *установьенъ* отмечается в «Повести временных лет» только в связи с описанием событий монастырской жизни в значении «постановление, положение». Например, в «Сказании о Печерском монастыре»: *И установи въ манастири своемъ. Како пѣти пѣнья...и что ясти в кыя дни. все съ установьенемъ* (1051 г.) [Там же, с.160].

Однако дистрибуция членов синонимических пар может быть и иной. Так, в паре *духъ* – *дыханье* (с разной степенью корневого вокализма) символическое значение образования *духъ* определяет его специализацию в обозначении сакральных понятий. Данное имя становится одним из значимых концептов христианской культуры, основное значение которого «жизненное начало» предполагает божественное предначертание. В сочетании с определением *святыи* оно реализует значение «третья ипостась святой Троицы» и отмечается в религиозных отрывках,

например в «Речи философа»: *И се отверзошася небеса. и Духъ сходящъ зракомъ голубинымъ на нь* (986 г.) [Там же, с.103]. Семантическое содержание синкретичного имени *духъ* может проецироваться и на человека, в таком случае оно реализует значение «душа, духовная сторона человека»: *Помилова бо ны пакы банею бытъя.и обновленьемъ духа. по изволеню Божью* (988 г.) [Там же, с.119].

Образование *дыханье* отличается меньшей частотностью употребления в древнерусском языке и не имеет ярко выраженной сакральной окраски. В связи с возможностью образований на *-(е)ние* выражать различные оттенки отношения к действию вплоть до агентивных оно реализует метонимическое значение «все дышащее, тварь», с которым отмечается в летописи в отрывке, повествующем об испытании вер Владимиром: *Кланяемъ и Богу еже створилъ небо и землю. звѣзды и всяко дыханье* (986 г.) [Там же, с.85].

В «Повести временных лет» отмечается пара однокоренных к рассмотренным образованиям имен *въздухъ* – *въздыханье* с префиксом *въз-*. Первоначальное значение префикса *въз* – обозначение пространственных отношений, указание на направление действия вверх. Данный семантический компонент обнаруживается в производном имени *въздухъ*, которое служит обозначением субстанции, способной перемещаться в пространстве «земная атмосфера, воздух». Образование *въздухъ*, связанное с представлением о физическом явлении действительности, отмечается как стилистически нейтральная форма: *Тогда же въздухъ възлияся повелику* (1065 г.) [Там же, с.165]. Однокоренное имя *въздыханье* совмещает значения действия и состояния и относится к внутреннему миру человека. Оно мотивируется глаголом *въздохати*, который реализовывал как широкое значение «дышать», так и более узкое, специальное – «печалиться, скорбеть»: *Где бѣ в насъ въздыханье. нонѣ же плачь по всѣмъ улицамъ упространися* (1093 г.) [Там же, с.224].

Различия в семантическом объеме демонстрируют параллельные формы *плѣнь* – *плѣнение*. Образование нулевой суффиксации в данной паре имеет как значение действия, так и ряд конкретизированных значений. Значение действия эксплицируется у образований *плѣнь* – *плѣнение* в сочетании с предлогами локального или темпорального значения *въ, до, от*: *И въ плѣнь ведении быша во Осурию* (986 г.) [Там же, с.102]; *И от начала царства Соломона. до плѣнения Ярусалимля* (852 г.) [Там же, с.18]. В результате метонимического переосмысления, свойственного средневековому мышлению, образование *плѣнь* (в восточнославянской огласовке *полонь*) приоб-

ретает ряд конкретных значений. В контекстах воинского содержания оно выступает со значением «добыча»: *Вземъ имѣнье много у Грекъ. И полонъ бецислень* (971 г.) [Там же, с.73].

Подобные же отношения наблюдаются в паре *мовь* – *мовенье*. Образование *мовенье* отмечается только со значением действия «мыть» в историко-этнографическом введении: *И то творять мовенье собѣ а не мученье* (Введение) [Там же, с.9]. Образование нулевой суффиксации *мовь* представлено как с первичным значением действия, так и с конкретизированным значением «баня» в «Сказании о мести Ольги деревлянам»: *Повелѣ Ольга мовь створити* (945 г.) [Там же, с.57].

Формы *страхъ* – *страшение* обозначают психическое состояние человека, причиной которого в религиозной традиции является воздействие высших, божественных сил. Синонимы характеризуются сходным семантическим содержанием в древнерусском языке, реализуя значение состояния «страх, боязнь», значение речевого воздействия «угроза» и конкретно-предметное значение «устрашающее явление». Однако образование *страхъ* с древности характеризовалось большей частотностью употребления, о чем свидетельствуют и летописные данные. В «Повести временных лет» оно употребляется 10 раз, в то время как *страшение* – только 1. В религиозных контекстах образование *страхъ* выступает в составе устойчивых словесных формул *страхъ Божию, страхъ Господень*, обозначая психическое состояние человека перед лицом высшей сущности: *Живяше же Володимеръ в страстѣ Божьи* (996 г.) [Там же, с.126]. В военных контекстах или при описании природных явлений у слова *страхъ* отсутствует религиозный компонент. В них данное состояние понимается в житейском смысле как страх перед врагом или космосом: *Половци же ужасошася. от страха не възмогаша ни стяга поставити* (1107 г.) [Там же, с.282]. «Символ „страх“ отличается от других слов данного ряда и тем еще, что он выражает собирательно эмоцию как бы извне, отчужденно от переживания человеком этого чувства, тем самым объективируя смысл эмоции» [Колесов, с. 332]. Образование *страшение* выступает со значением действия психического характера «устрашение, запугивание» в «Сказании о первых черноризцах».

С религиозными представлениями средневекового человека связана понятийная сфера образований *мука* – *мученье*. Образование нулевой суффиксации *мука* выступает преимущественно в традиционных ситуативных формулах, содержащих антитезу рая и ада: *Праведнымъ царство*

небесное. И красоту неизреченну... грѣшником мука огнена и червь неусыпая (986 г.) [Повесть временных лет, с. 105]. Семантика синонимичных образований достаточно однозначна, оба имеют значение «мука, страдание». При этом дериват *мученье* мог мотивироваться глаголом физического воздействия на объект *мучити* и глаголом эмоционального состояния *мучитися*. В «Повести временных лет» слово *мученье* выступает со значением «перенесение страданий, боль, мука», обусловленным соотносительностью с глаголом формирующегося возвратного залога *мучитися*. Оно фиксируется в цитатах из религиозных произведений, представляющих постулаты христианского вероучения: *Сица же будутъ мученья. иже не вѣруетькъ Богу* (986 г.) [Там же, с.106].

Приглагольные имена нулевой суффиксации чаще, чем образования на *-(е)ние*, характеризуются семантическим синкретизмом, выражают различные оттенки отношения к действию. В паре *родъ – роженье* первое слово отличается разветвленной системой значений. Слово *родъ* могло выступать как с обобщенным значением «род, совокупность поколений, происходящих от одного предка»: *Родъ в родъ въсхвалять дѣла твоя* (988 г.) [Там же, с.119]; так и с рядом более узких значений, также связанных с идеей родства, общности происхождения. В отрывках документального характера, например, в договорах русских с греками, слово *родъ* имеет значение «племя, народ»: *Мы от рода Рускаго съли и гостье* (945 г.) [Там же, с.46]. В историко-этнографическом введении *родъ* имеет значение «семья, родня»: *Живяху кождо съ своимъ родомъ на своихъ мѣстѣхъ* (Введение) [Там же, с.9]. В сочетании с прилагательным *христианьский родъ* обозначает «совокупность людей, объединенных общим вероисповеданием»: *Много роду хрестьяньска стражюще* (1093 г.) [Там же, с.225]. Образование с суффиксом *-(е)ние роженье* выступает как с процессуальной семантикой «рождение», так и с конкретизированным значением «родня, родственники», с которым отмечается в «Рассказе о волхвах»: *Они же рѣша мнѣ мати. другому сестра. иному роженье* (1071 г.) [Там же, с.178].

Синонимические образования *исходъ – исхоженье* связаны с семантически многоплановым глаголом *исходити*, обозначающим действие в пространственном и временном аспектах. Поэтому и девербативы *исходъ – исхожение* с первичным процессуальным значением приобрели темпоральную семантику. Они служили обозначением как места, где происходит действие, так и отрезка времени, в течение которого

это действие происходит. Темпоральная семантика актуализируется у данных имен в сочетании с предлогами *на, до*. Образование нулевой суффиксации *исходъ* употребляется для указания на время действия: *Того мѣсяца на исходѣ прелстивъ Ярославъ Святополчичъ. Ярослава Ярополчича* (1102 г.) [Там же, с. 275]. Образование *исхоженье* представлено в летописи с процессуальной семантикой в устойчивых сочетаниях религиозного содержания: *Отцю бо отцовство. сыну же сыновство. святому же Духу исхоженье* (988 г.) [Там же, с. 112], где *исхоженье святому духу* – богословский термин.

Ряд синонимических форм представлены образованиями, в которых имя нулевой суффиксации имеет агентивное значение. В таком случае семантические различия членов словообразовательной пары выражены наиболее явственно. В летописи отмечены следующие пары: *послухъ «очевидец, свидетель» – послушанье, пророкъ – прореченье, слуга – служенье, Спасъ – спасенье, прелюбодѣи – прелюбодѣянье*.

Отличия только стилистического характера у синонимических образований в тексте летописи отмечаются в единичных случаях. Например, в паре *побѣда – побѣженье* образование нулевой суффиксации представлено в отрывках бытового, исторического, военного содержания, а образование на *-(е)ние* – в отрывках религиозного плана.

Некоторые параллели выступают в летописном тексте как полные дублиеты, не различающиеся ни в семантическом, ни в стилистическом отношении. К ним относятся синонимические пары, члены которых характеризуются отрицательной коннотацией: *месть – мѣщение, похоть – похотенье, блудъ – блуженье* и др. Часть синонимичных форм отмечается с терминологизированной семантикой, например *постъ – пощенье*. У ряда параллельных образований совпадают как первичные процессуальные значения, так и вторичные результативные значения, например, в парах *ядъ – яденье* или *строи – строенье*.

Таким образом, в словообразовательных синонимах своеобразно отражается система ценностных ориентиров и духовно-культурных представлений средневекового человека. Как видно из рассмотренных примеров, большинство параллельных образований связано с репрезентацией концептуально значимых для средневекового сознания понятий. Для выражения сходного содержания используются различные языковые возможности, что свидетельствует о поиске наиболее адекватных средств номинации соответствующих отрезков внеязыковой действительности и реализации творческого потенциала языка. То,

что важно в смысловом или в стилистическом отношении, получает разное словообразовательное оформление, благодаря чему более тонко могут быть реализованы оттенки значения, стилистическая специфика, синтагматические связи. При этом пары образований могут отличаться в семантическом отношении, в стилистическом плане либо совпадать в основных характеристиках. Подобное совпадение приводит в дальнейшем к выходу из употребления одного из синонимов.

Список литературы

Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М.: Наука, 1984. 248 с.

Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.

Гилазетдинова Г. Х. Словообразовательные ряды на базе восточных заимствований в языке старорусского периода // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Казань, 2009. Т. 151, кн. 3. С. 230–239.

Ерофеева И. В. Роль словообразования в организации смыслового пространства языка летописных сводов // Филологические науки. 2010. № 2. М.: Типография МГУ. С.22–34.

Иванова Т. К. Специфика парадигматических отношений сложных наименований лица в русском и немецком языках // Известия Волгоградского педагогического университета. 2012. № 2(66). С. 53–57.

Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.

Николаев Г. А. Русское историческое словообразование. Казань: Изд-во КГУ, 1987. 152 с.

Повесть временных лет. Лаврентьевский список летописи // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т.1. С. 1–286.

Шептухина Е. М., Мешкова Т. А. Закономерности реализации отношений словообразовательной синонимии префиксальных глаголов в тексте (на материале разножанровых произведений Ф. Прокоповича) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2011. №2 (14). С. 55–60.

References

Azarkh, Ju. S. (1984). *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nykh v istorii russkogo iazyka*. [Word-formation and Morphogenesis of Nouns in the History of the Russian Language]. 248 p. Moscow, Nauka. (In Russian).

Gilazetdinova, G. Kh. (2009). *Slovoobrazovatel'nye riady na baze vostochnykh zaimstvovaniy v iazyke starorusskogo perioda* [Derivational Ranks Based on the Oriental Borrowings in the Old Russian Language]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosuniversiteta*, T. 151, kn. 3, pp. 230–239. (In Russian).

Erofeeva, I. V. (2010). *Rol' slovoobrazovaniia v organizatsii smyslovogo prostranstva iazyka letopisnykh svodov* [The Role of Word-formation in the Organization of the Semantic Space in Language Chronicles]. *Filologicheskie nauki*, No. 2, pp.22–34. (In Russian).

Ivanova, T. K. (2012). *Spetsifika paradigmaticeskikh otnoshenii slozhnykh naimenovanii litsa v russkom i nemetskom iazykakh* [Specificity of Paradigmatic Relations of Complex Nominations of a Person in the Russian and German Languages]. *Izvestiia Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta*, No. 2(66), pp. 53–57. (In Russian).

Kolesov, V. V. (2006). *Russkaia mental'nost' v iazyke i tekste*. [Russian Mentality in Language and Text]. 624 p. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian).

Nikolaev, G. A. (1987). *Russkoe istoricheskoe slovoobrazovanie*. [Russian Historical Derivation]. 152 p. Kazan, Izdatel'stvo KGU. (In Russian).

Povest' vremennykh let. Lavrent'evskii spisok letopisi (2001). [The Tale of Bygone Years. The Laurentian Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*, T.1, pp. 1–286. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).

Sheptukhina, E. M., Meshkova, T. A. (2011). *Zakonovernosti realizatsii otnoshenii slovoobrazovatel'noi sinonimii prefiks'al'nykh glagolov v tekste (na material raznozhannovykh proizvedenii F. Prokopovicha)* [Conformities to Implementation of Synonymy Relation of Word-formative Prefixal Verb in Text (Based on Eulogistic Works of Pheophan Prokopovich)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Iazykoznanie*. No. 2 (14), pp. 55–60. (In Russian).

Vendina, T. I. (2002). *Srednevekovyi chelovek v zerkale staroslavianskogo iazyka* [The Medieval Person in the Mirror of the Old Slavonic Language]. 336 p. Moscow, Indrik. (In Russian).

The article was submitted on 12.04.2016

Поступила в редакцию 12.04.2016

Ерофеева Ирина Валерьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18
erofeeva89@mail.ru

Erofeeva Irina Valer'evna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
erofeeva89@mail.ru

Шептухина Елена Михайловна,
доктор филологических наук,
профессор,
Волгоградский государственный
университет,
400062, Россия, Волгоград,
просп. Университетский, 100
sheptukhina@yandex.ru

Sheptukhina Elena Mikhaylovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Volgograd State University,
100 Universitetsky Prosp.,
Volgograd, 400062, Russian Federation.
sheptukhina@yandex.ru